

В ДЕРЕВНЕ

Памяти бабушки

В окна рассвет сочится – едва-едва.
Отблески пламени пляшут на потолке.
В печке трещат березовые дрова
и чугушки ворчат на своем языке.

Скрип половиц вступает в нестройный хор.
Бабушка ловко снимает чугун с огня,
ставит ухват на место – как дирижер
руководит звучанием нового дня.

Завтрак готов, это значит – пора вставать,
ждет и меня домашняя круговерть.
Мне до всего есть дело в неполных пять:
сено носить корове, потом смотреть,

как в загоне резвится ее дитя,
хлебом ржаным с ладони его угощать,
а за попытки бодаться корить: «Нельзя!» –
и обучать еще многим другим вещам.

Вечером снова нас согревает печь.
Бабушка детские книжки читает вслух;
я постигаю мир и родную речь
и задаю бесконечные «почему».

Кошки разных мастей стерегут порог:
чувствуют время, когда с парным молоком
будет идти хозяйка, едва не сбивают с ног
и норовят в доенку залезть языком.

Кружка парного и мне полагается. «Пей –
будешь здоровой, красивой расти, большой, –
увещевает бабушка, – и скорей
спать, а не то заберет тебя домовой!»

Хоть бы одним глазком на него взглянуть!
Под одеяло прячусь и жду, что вдруг
топот послышится. Но покоряюсь сну
раньше, чем в доме стихнет последний звук.

ФОТОГРАФИИ ИЗ ЕВРОПЫ

Эти краски – как в старом фильме, зато сильней
будоражат память... Даже если там не был,
все равно невозможно не вспомнить небо,
геометрию крыш, над собором каскад огней...

По брусчатке влажной взглядом едва скользнув,
оказаться там, где над улицей запах кофе,
посередине мира – плетеный стул,
а в витрине напротив – неспешности мягкий профиль...

ПРОГУЛКА ПО ВАРШАВЕ

Второй день кряду польские слова
Ложатся на язык слегка шершаво...
Вокруг меня шумит листвою Варшава,
И в каждом звуке – нота волшебства.

В кармане – карта, проездной билет
На две недели. И легко от мысли,
Что вновь я здесь и левый берег Вислы
Все эти дни хранит меня от бед.

Маршрутов неисхоженных запас,
Величие и простота костелов,
Аллеи парков, тихих и веселых –
Любые встречи – словно в первый раз.

Я буду слушать тайны древних стен,
И Старый город мне подарит право
Дышать и любоваться той Варшавой,
Которой сердце завещал Шопен.

Кафе, от бойких улиц в стороне,
К себе заманит звуками рояля.
И тут же кельнер: «Co pani zamawia?»
И чудно так, что pani – это мне.

* «Что будете заказывать?»

В меню, сплетенном из мудреных слов,
Найду десерт, приправленный корицей...
И в час, когда не надо торопиться,
Так сложно удержаться от стихов,
И в пианиста трудно не влюбиться!

ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО

Из самой далекой дали,
от кромки неба,
невзирая на время года
не смиренная льдами,
не убеленная снегом,
Онега
баюкает пресные воды:
от горизонта – белесые гребни,
к берегу ближе – певучие волны.

Озеро любит непостоянство.
Местные говорили:
бывают штормы такие,
которых мореходы,
прошедшие сквозь соленые волны,
боятся.

А сегодня Онега спокойна,
лишь самую малость
раскачалась.
Смотрю в ее даль уже час,
и другой...

А́ндома этим видом любитесь тысячелетья,
приподнявшись над кромкой воды
на полсотни метров:
так гораздо удобней смотреть на
перекаты, послушные ветру.

Красотой и суровостью
здешних мест
объектив озадачен.
Зимний день скоротечен –
не дает достаточно света.
Горизонт опрокинулся вовсе –
и неудача
подстерегает фотографа,
но не поэта.

Ибо такой инструмент, как слова,
неприхотлив в обращении,
поэту легко рассказать,
как прибой, выгрызая лед,
плетет
прибережные кружева;
льдинок калейдоскоп
в волнах звенит и стонет,
наполняя белые
онежские берега
шумом Понтийского моря.

ИЗ ЦИКЛА «ХУДОЖНИКУ КСЕНИИ ТИХОНОВОЙ»

3. **Выставка "День моря".** **Смоленск, июль, 2017**

Неважно, гроза в этом городе или жара:
День моря наступит, конечно, в любую погоду.
И бризом соленым овеет течение Днепра,
И южное солнце закатом опустится в воду.

День моря приснится деревьям, и каменным львам,
И рыбам, уморенным зноем на праздничном блюде,
Яхтсмен своей девушке весело скажет слова
О том, что день моря еще обязательно будет.

Встречайте его, ибо это особенный день,
Когда улыбается каждый, меняются взгляды,
И две пышнотелые дамы для прочих людей
В день моря уже не толстушки - Наяды,

Он всех одарит ощущением счастья сполна:
Купальщиков, пляжных торговцев, детей и так далее...
А галечный пляж полирует усердно волна,
Грозясь намочить позабытые кем-то сандалии...

В детстве, испытывая себя на смелость,
мы забирались на крышу
и подходили к краю,
соревновались: кто ближе?
Голова кружилась,
колени дрожали,
но так хотелось
казаться отважной,
что было почти не страшно...

Прошло много лет...
Я снова стою на грани
между твердью земли
и невесомостью чувства,
когда смотрю
в твои голубые глаза
и слышу, как шепчешь «Наташа!» –
у этого края
безумно страшно:
боюсь, что сделаю шаг вперед,
а ты меня неймаешь...

Вид из окна меняю раз в три года:
собор, гаражный лабиринт и лес,
и частный дом с квадратом огорода...
Но не охота к перемене мест
тому виной и к лучшему стремленью,
а факт, что собственной квартиры нет.
Но есть и плюсы вечного кочевья:
весь город стал моим за столько лет.

Рабочий коллектив и стили речи
(попутно – адрес интернет-страниц)
меняю, если те небезупречны.
Но не охота к перемене лиц
владеет мной, а только поиск –
достатка, добрых вечных тем
и права жить и быть самой собою
хотя бы где-то – в тексте, на листе.

В моем пространстве только ты – константа:
с тобой – уже четвертая зима,
за это время пройденных дистанций
хватило бы не на один роман.
Но наш тандем не крепнет год от года.
В условно-вечном «вместе, если бы...»
ни потерять, ни обрести свободы –
и этот узел надо разрубить.
Но неохота...

ПИСЬМА

Так странно вспомнить,
но это действительно было:
лет семнадцать назад
мы писали друг другу письма –
бумажные.
Конверты желанные
с разноцветными марками
опускали в щели железных ящиков
почтальоны –
настоящие!
Твой – в подъезде пятиэтажки.
Мой – у черемухи,
недалеко от дома.

Мы доставали конверты теплыми пальцами,
в ладонях лелеяли их; как дитя, качали
прежде, чем распечатать.
Читали, вдыхая, как воздух, каждое слово.
Без труда разбирая почерк,
замечали нечаянный штрих, завиток
и гадали: что таковой означает?

Ответные строки писали сердцем.
Сначала – в мыслях, собирая все самое важное,
многократно себя поправляя.
И только потом доверяли слова бумаге,
поскольку знали: письма будут читаться
каждый день до момента встречи
раз по двадцать.

Время исцеляет сентиментальность.
Я потеряла твои фотографии.
Ты позабыл мое имя и адрес.
Соседские дети сломали черемуху:
осиротели почтовые ящики,
зияют пустыми глазами...

А старые письма остались...